Ольга Воронцова

Охота на искры

Романы Рунета

Ольга Воронцова

Охота на искры

«Издательство АСТ»
2026

УДК 398.4
ББК 82.3

Воронцова О. С.

Охота на искры / О. С. Воронцова — «Издательство АСТ», 2026 — (Романы Рунета)

ISBN 978-5-17-187977-8

В приморском городе одна за другой гибнут женщины. На месте каждого убийства – древняя руна. У следователя Майи Вединской есть особый дар: прикоснувшись к следу жертвы, она проживает ее последние минуты. Ее посылают в провинцию – распутать серию убийств, в которых нет ни логики, ни улик. Только магические символы, которые находит лишь она. Напарник Майи – суровый майор Артем Волков. Единственный человек, рядом с которым ее дар молчит. Но к которому ее безоговорочно тянет. А еще он скрывает, что по ночам перестает быть человеком… Чем ближе Майя к разгадке, тем яснее: убийца знал о ней еще до того, как она сошла с трапа самолета, а руны на местах убийств – совсем не подпись, а приглашение… на ее казнь.

УДК 398.4
ББК 82.3

ISBN 978-5-17-187977-8

© Воронцова О. С., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Плейлист от автора 7
Пролог 8
Глава 1 9
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Ольга Воронцова
Охота на искры

© Ольга Воронцова, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

* * *

РОМАНЫ РУНЕТА

Ольга
Воронцова

Охота на искры

Издательство АСТ
Москва

Плейлист от автора

Книга «Охота на искры» писалась в наушниках. Эти треки держали мой ритм, атмосферу и дыхание героев. Для меня в них свет ночных окон города N, мокрый асфальт, волчий шаг и шепот города прямо перед грозой. Можете включить плейлист перед первой страницей, и музыка поможет вам глубже прочувствовать атмосферу и прожить эту историю вместе с героями.

Mos Elian – Find me
Lorde – Yellow Flicker Beat
System Of A Down – Lonely Day
Donovan – Season of the Witch
Мумий Тролль – Такие девчонки
Sam Tinnesz – Man or a Monster
The Black Ghosts – Full Moon
mednaya – Далеко
Мельница – Обряд
Смысловые галлюцинации – Мысленный волк
Земфира[1] – П.М.М.Л.
7Б – Некрещеная луна
Ёлка – Город обмана
Сплин – Моя любовь
Imagine Dragons – Demons

[1] Признана иноагентом в РФ. *(Прим. ред.)*

Пролог

Иногда город вспоминает, что он живой.

Не тогда, когда гудят машины, и не когда в стеклянных шпилях небоскребов зажигаются огни. А тогда, когда ночь прижимается к мостовой мокрым горлом и из щелей в брусчатке выползает тишина, древняя, как вода. В этой тишине можно услышать, как по старым камням скользят тени тех, кого здесь больше нет. И тех, кто только должен прийти.

Она всегда знала, что магия не умерла. На смену живым ключам пришли архивы, на смену тропам – асфальт. Но песнь силы нельзя заглушить навеки. Она стучит в сердца тех, чья кровь помнит.

И вот он – город. Приморский, пропахший рыбой, солью и чужими надеждами. Он стонет во сне, этот город. Он видит сны, в которых женщины с иссиня-черными полосами на шее молчат о своем последнем свидании. А по их квартирам, как дотошный архиварius, уже прошелся кто-то чужой. Кто-то, для кого смерть не точка, а лишь запятая в длинном нерасшифрованном предложении.

Они думали, что охота на ведьм осталась в темных веках. Они ошиблись. Охота лишь сменила костры на леску, а инквизиторов – на мужчин с обаятельными улыбками и холодными, как галька на глубине, глазами.

И теперь она шла по его следу. По едва уловимой мелодии, что звучала на одной ноте – ноте страха.

Город смотрел на нее с высоты своих спящих крыш. В его молчании был слышен вопрос, который она задавала себе каждую ночь: «Кто кого ведет на поводке: охотник – жертву, или жертва – охотника?»

Игра начиналась. И ставка в ней – жизнь.

Глава 1
Воздушные ямы

Магия не ушла. Ее усыпили. На смену живым ключам пришли рунные швы, на смену ковенам – архивы, на смену тропам – асфальт. Но песнь силы нельзя заглушить навеки. Она стучит в сердца тех, чья кровь помнит. Услышь ее шепот, пока другие не превратили его в крик.

«Хроники рода. Моим дочерям и дочерям моих дочерей»

Майя

Самолет в воздушную яму не входит плавно. Он в нее падает. Резко, без предупреждения. Так же, как и память.

Паническая атака подбиралась к горлу холодными щупальцами. Единственный способ не сойти с ума здесь, на высоте десять тысяч метров, – уйти в другое безумие, которое можно контролировать.

На откидном столике перед ней среди документов по делу лежала фотография третьей жертвы. На фото она была запечатлена живой. Живые на фотографиях всегда выглядят так, словно не верят в возможную смерть, и этим ранят сильнее любого протокола. Улыбчивая брюнетка с бездной в глазах. Ее звали Ирина. Молодая, яркая, ей бы еще жить и жить…

Нырок.

Ну, родная, давай познакомимся с твоим монстром, мысленно прошептала Майя, проведя влажными ладонями по внешней стороне бедер, мягкий трикотаж платья мгновенно нагрелся под ее прикосновениями. Она сделала вдох – короткий, как перед прыжком в холодную воду, – и позволила реальности расступиться.

Первыми пришли звуки: приглушенный смех, джазовая фортепианная дробь, звон бокалов. Потом запахи – *ее* нишевый парфюм, табачный дым, едкая острота мужского одеколона. Зрение подключалось последним, как плохо настроенный телевизор.

Картинка плыла, выравнивалась. Бар. Полумрак. Девушка, уже расслабленная и захмелевшая, опирается на стойку. Рядом с ней тень. Мужской силуэт. Высокий, широкоплечий. Майя попыталась его обойти, увидеть лицо, но ее сознание скользило по краям, как камера с фиксированным фокусом. Он что-то говорит, голос низкий, обволакивающий, обаятельный. Женщина смеется, запрокидывая голову.

Потом резкая смена кадра. Улица. Влажный ночной асфальт, отражающий огни рекламы. Девушка пытается поймать равновесие, ее аккуратная шпилька царапает бордюр. Сильная рука ловит ее под локоть, помогает сесть в такси. Не ее такси. Его.

Майя почувствовала холодный укол паники.

Как же ты пожалеешь об этом, милая…

Видение дернулось и поплыло. Теперь прихожая. Ее квартира. Приглушенный свет бра, запах первой тревоги и чего-то химического, сладковатого. Хлорка? Смех девушки – уже нервный, прерывистый. Игра закончилась.

Покажи лицо, сволочь, мысленно выдохнула Майя, изо всех сил концентрируясь на силуэте, который приближался к жертве.

Глухой вскрик. Рука с безупречным маникюром, слепо шарящая по паркету, цепляющаяся за ножку стула… Сильные пальцы, впивающиеся в шею, затягивающие тонкую, почти невидимую петлю… Не веревку. Леску.

И тут он повернулся. Не полностью, лишь на три четверти, но этого хватило.

Ровный профиль. Холодные, светлые, почти бесцветные глаза. И шрам у ключицы. Маленький, белый, серповидный, как след от осколка.

В тот же миг этот взгляд, казалось, впился прямо в нее. Сквозь время, сквозь слои реальности. Он смотрел на Майю. Видел ее.

Это. Мать вашу. Невозможно.

Левая ладонь, та самая, что всегда холодела при нырке, вдруг вспыхнула пульсирующей болью. Как будто ее прижали к раскаленному утюгу. Майя чуть не вскрикнула, теряя концентрацию. Видение поплыло, закрутилось вихрем.

Тишина. Абсолютная. Та, что наступает после самого громкого в мире крика.

И в этой тишине низкий, спокойный голос, обращенный к ней:

Опередила график, ведьма. Я тобой доволен.

Майю вырвало из нырка так резко, что она чуть не вскрикнула. Сердце бешено колотилось. Девушка разжала кулак, ожидая увидеть ожог, но кожа была чистой. Лишь крошечная родинка под мизинцем, которой не было раньше, пылала, как раскаленная игла.

«Я тобой доволен».

Слова маньяка повисли в воздухе, ядовитые и неоспоримые. Он знал. Ждал. Игра началась не в том душном провинциальном отделе, куда ее сослали. Она началась здесь, на высоте, в пасти между прошлым и будущим.

Он был где-то там, внизу. В приморском городе N. Со своим шрамом и леской.

И он приготовил для нее особую петлю.

Глава 2
Волк

Оборотень не монстр. Это вечная борьба. И его превращение – это не яркая вспышка, а три контура. Сначала меняются чувства: зрение, слух, обоняние. Потом меняется челюсть, появляются клыки, глаза полыхают желтым огнем, походка становится звериной. И лишь в крайней ярости ломаются кости. Больно. Унизительно. Ибо высшая цена – не столько физическая боль, сколько риск забыть себя и тех, кого любишь. Мудрый зверь предпочтет всегда оставаться на первом контуре, лишь краем глаза наблюдая за тенью второго.
Из книги «Шепот крови», глава о двойной природе

Артем

Квадрат пятиэтажек на отшибе города в пятом часу утра был его территорией. Еще до того, как первые птицы начинали перекличку, старший следователь Следственного комитета, майор Артем Волков, уже возвращался с пробежки. Не по асфальтированным дорожкам парка – ноги сами несли его в бугристую чащу, где пахло хвоей, влажной землей и свободой. Он бежал, как загнанный зверь, пытаясь оставить позади своих призраков.

Беги быстрее, Волков, может, от себя убежишь, язвил внутренний голос, что всегда звучал в тоне уставшего циника. Призраки бежали рядом, отдавая в такт стуку сердца – кадрами из прошлого, которое не отпускало. Мужчина бежал легко, несмотря на крупное телосложение, его дыхание было ровным, лишь капли пота на висках выдавали усилие. Артем не бегал – он сбегал. От тишины собственной квартиры, от снов, в которых смешивались обрывки прошлого.

Отличный план. Особенно, учитывая, что ты тащишь с собой эту чертову псину внутри, куда бы ни направлялся.

Артем вошел в свою берлогу на пятом этаже не как хозяин, а как заключенный, возвращающийся в камеру после прогулки. Весь пропахший лесом и по́том, с равномерно вздымающейся грудной клеткой. На нем были старые спортивные штаны и темная футболка, прилипшая к спине. Дверь захлопнулась с глухим, обреченным звуком.

Ну, вот и дома, родной. Добро пожаловать в твой личный ад.

Он не был неряшливым, но его небрежность в одежде была естественной, как шерсть. Мужчина не думал о впечатлении, которое производил. Его присутствие – крупное, молчаливое, пахнущее дымом и хвоей – само по себе было фактом, с которым приходилось считаться.

Его квартира была оглушительно пустой. Молчаливой. Каждый предмет – диван, стол, холодильник – казалось, не просто стоял на своем месте, а застыл в нем, как в витрине музея, с табличкой «Жизнь, которая была». Он проходил на кухню, и ему чудилось, что стены хранят сам звук тишины, впитанный ими за годы. Иногда ему казалось, что если он заговорит вслух, то воздух не дрогнет, а слова, как камни, упадут на пол и покатятся под ноги, нарушая установленный порядок небытия.

Артем прошел на кухню, его плечи были напряжены. Взгляд упал на полку, где между пачкой чая и банкой дешевого кофе стояла недопитая бутылка виски. *Искушение.*

Вечером, отрезал он мысленно. *Вечером, если доживешь. Награда за то, что ты продержался еще один день, не сорвавшись и не превратившись в мохнатое чудовище на глазах у всего отдела.*

Повернувшись, Артем почти физически ощутил пустоту за своей спиной. Не просто отсутствие человека. Отсутствие жизни. Она здесь когда-то кипела: голос, запах готовящейся еды, смех. Теперь лишь отголоски, врезавшиеся в стены.

В душе, стоя под струями ледяной воды, он смыл с себя остатки ночи. Его нюх, всегда обостренный, на заре был особенно чуток. Он улавливал в квартире запахи, не слышимые для других: душная пыль на книжных полках, сладковатый аромат духов, который давно выветрился, но чей призрак все еще витал в спальне с закрытой дверью, и едкую ноту своего собственного горя.

Следователь не брился уже несколько дней. Щетина скрывала напряжение его челюсти. Он был несчастен и пуст. Где-то в глубине, под слоями вины и гнева, тлел уголек того, кем Артем был раньше – звезды отдела, души компании. Теперь он был ее молчаливым, грозным центром. И тенью себя прошлого.

Артем сел за стол. Ноутбук мигнул, выводя на экран папку с тремя именами. Три женщины. Три трупа. Никакой логики, никакой связи, кроме холодного, методичного почерка и той самой чертовой лески. Мужчина с силой провел рукой по лицу, закрыв на экране папку.

– Тупик. Чистейший тупик.

Кликнув по уведомлению, на которое он никак не мог найти время, Артем уставился на файл из базы. К нему направили следователя из Москвы. *Специалист*. Он фыркнул. Обычно таких ссылали в их глушь либо в наказание, либо чтобы спихнуть с глаз долой. *Неудачник.*

Он открыл личное дело: «Вединская Майя Андреевна. Старший следователь СК РФ. Мещанский межрайонный следственный отдел г. Москвы. Переведена в центральный аппарат». Фотография. Артем всмотрелся: не суровое казенное лицо, как он ожидал, а… интересное. Даже очень. Смуглая кожа, острые скулы. И волосы… Медные, как расплавленный закат. *Ну конечно.*

Он пролистал дальше: «Образование: Академия МВД, второе высшее – психология. Тема диплома: “Психологический портрет серийного преступника с ритуальным компонентом”».

Рекомендация от… Павла Борисовича Зимина. Зам. начальника управления центрального аппарата. Весомая фигура.

Значит, не неудачница. Значит, протеже. Еще лучше.

Он углубился в последнее дело, над которым Рыжая работала в Москве. Похищение… Официальное заключение Вединской, приложенное к делу: «…вероятность инсценировки похищения с целью выкупа со стороны самого потерпевшего при пособничестве его близкого круга…»

Артем медленно откинулся на спинку стула.

Смело. Очень смело.

Но потом он нашел другое – сводку о задержании. Ковалев найден. Инсценировка подтвердилась. В графе «источник оперативной информации» стояли фамилии двух сотрудников СК, но гриф был странным – «по инициативе оперативного состава». Артем замер. Не по плану. Втихую, наперекор начальству. И попала в яблочко.

Так-так-так… Волков провел рукой по щетине. Значит, не просто красивое личико. Она упрямая. Идет против течения. *И, что важнее, оказывается права. Интересно.*

Ситуация мгновенно перестала быть простой. Это была не неудачница, а «наказанная праведница» с блестящим образованием, крутым нравом и могущественным покровителем. Самая опасная комбинация. Ее нельзя будет проигнорировать. Она – проблема, упакованная в очень привлекательную оболочку.

Его взгляд снова, против воли, прилип к фотографии. Медные волосы, завязанные в высокий хвост, упрямый подбородок. И глаза… Разные. Один зеленый, как лесная трава после грозы, другой теплый, янтарный, как мед. Как он сразу не заметил? Гетерохромия. *Редкость. И чертовски притягательная.*

Ну и что, мысленно буркнул он. *Красивая картинка.*

Но в тот момент, когда его взгляд скользнул по смуглой коже на фотографии, по тонкой шее, угадывающимся изгибам под служебной рубашкой, внутри что-то дрогнуло.

Тот, кого он годами держал на цепи глубоко внутри, за толстыми стенами контроля, вдруг *шевельнулся*.

Челюсть Артема загудела знакомой, тревожной болью. Клыки, спрятанные в деснах, заныли назойливым импульсом.

Спокойно, брат. Это всего лишь фотография. Всего лишь женщина.

Перед выходом Волков достал из кармана старый, затертый игральный кубик – кость. Он подбросил его в ладони, ощущая шершавые грани.

Единица – создам проблем и не позволю влезть в дело, чтобы сразу валила обратно в свою Москву. Шестерка… шестерка – дам Рыжей шанс.

Кубик выскользнул из крупной ладони, покатился по столу и брякнулся об пол. Майор не стал сразу смотреть на результат, позволив напряжению нарасти. Потом медленно опустил взгляд. На потрепанном линолеуме виднелась грань с шестью точками.

Глава 3
Привет, пекло

Города стареют, и их шкура – из асфальта и плитки – покрывается морщинами. Их кровь – дождь, вперемешку с выхлопами и табачным дымом. Когда среди людей появляется ведьма, город начинает гудеть внутри себя. Ведьма, не бойся быть услышанной – бойся, если город отвернется.
Из книги «Шепот крови», глава о природе городов

Майя

Воздух в аэропорту городка N был густым и соленым, как слеза. Майя сделала первый вдох и почувствовала, как влажная теплота окутывает ее, словно невидимый мокрый плащ.

Она машинально проверила карманы: паспорт, телефон, удостоверение – как будто без этих вещей могла раствориться прямо здесь, у здания аэропорта. Чемодан стоял рядом, чуть накренившись, и Майя поймала себя на мысли, что выглядит так же: вроде держится, но центр тяжести уже смещен.

– Майя Андреевна? Вединская? – раздался веселый, добродушный и немного запыхавшийся голос.

К ней почти бежал худощавый парень в мятом пиджаке, с вихром светлых волос и таким открытым лицом, что становилось почти неловко.

Боже, он сейчас хвостом вильнет.

Он настолько старательно улыбался, что Майя поймала себя на желании тоже улыбнуться – из вежливости, как отвечают на рукопожатие. И тут же одернула себя: усталость любит чужие приветливые лица, как любит мягкие кресла – это утягивает и расслабляет не вовремя.

– Саня. То есть Александр. Коваль. Помощник следователя СК. Мне поручено встретить вас и помочь с заселением, – выпалил он, пытаясь одновременно улыбнуться, отдать честь и забрать у девушки чемодан.

Следовательница настроилась на его эхо. Теплое, желтое, как подтаявшее сливочное масло. Безобидное.

– Спасибо, – кивнула Майя, передавая багаж. – Как вы меня узнали?

Он засеменил рядом, чемодан громыхал по плитке.

– Ну… Залез в базу, если честно. Мы… в общем…

– Понятно. На фотографиях из личного дела все выглядят словно подозреваемые, замечали? – сказала Майя.

– Почему же. Вы там такая строгая, в форме, и глаза у вас… – парень замялся. – Но в жизни вы вообще… вот прям…

– Умоляю, Александр, я поняла. У меня был тяжелый перелет, и без кофе я не очень общительна.

Саня не рассмеялся, а серьезно кивнул, как будто принял к сведению важную оперативную информацию.

– В машине есть термос. На всякий случай взял. Не знал, какой вы пьете, поэтому просто черный, крепкий. И сахар отдельно.

Майя замедлила шаг, бросив на него быстрый, оценивающий взгляд.

– Вы мне нравитесь, Саша. Мы сработаемся.

– Вы мне тоже… Ох… Тогда поехали заселяться?

Майя выгнула медную бровь.

– В смысле вас заселять… я имел в виду.

Боги. А ведь он и правда такой.

Дорога от аэропорта была недолгой. Саня без умолку болтал, рассказывая о городе, о море, о местных ценах, низком уровне преступности и о том, как все рады, что «наконец-то прислали специалиста из столицы».

Ага, конечно.

Квартира оказалась в новом районе, в аккуратном малоэтажном квартале. Парень втащил чемодан в центр светлой кухни-гостиной, пока Майя отодвигала шторы большого окна с видом на аккуратный ряд домов частного сектора, высокие кипарисы и… *О БОЖЕ! МОРЕ!*

Саня проследил за изумленным взглядом девушки и просиял.

– Самое лучшее, для гостей из столицы.

– Балкон? С видом на море? Вы меня балуете.

Майя представила, как ей будет уютно работать с бокалом сухого на этом балконе, раскладывая вокруг материалы дела, и нырять без посторонних глаз под успокаивающий шум прибоя. Настроение улучшилось.

В остальном новое жилище было стандартной «съемкой»: небольшая студия, светлый кухонный гарнитур с барной стойкой, выцветшие обои, раскладной диван.

– Это все? – уточнила Майя, осматривая помещение и понимая, что новый знакомый ждет от нее каких-то действий.

– Да! Вот ключи, горячая вода есть, магазин через дорогу. Завтра в восемь я за вами заеду, если что – смело звоните. Запишите мой номер.

– Почему завтра? Время девять утра, я готова вникать в дело. Только сбегаю в душ. Сможете заехать за мной через час?

– А. О… Конечно.

– И еще: у меня только основные файлы по делу. Сделаете мне копии всего, что у вас есть? Экспертизы, допросы…

– Будет сделано, Майя Андреевна. Займусь.

– Отлично. – Следовательница одарила Коваля легкой улыбкой, сдерживая смешок, чем окончательно смутила беднягу.

– Ну, тогда сгоняю за кофе… и в отдел… – Саня, кажется, снова собрался отдать честь, но вместо этого просто широко улыбнулся и выскочил за дверь.

Дверь захлопнулась, отсекая внешний мир. Майя прислонилась к ней спиной, позволяя тишине и запаху нового жилья окутать себя. Чужая энергетика этого места пыталась ее поглотить, обхватить, как липкая паутина.

Первым делом – душ. Смыть дорогу, страх после нырка, чужие взгляды. Девушка вскрыла маленькую темную бутылочку с гелем для душа, которую привезла с собой. Аромат уда[2], черного перца и сандала – ее личный, ни на что не похожий запах. Ее броня. Майя втирала его в кожу, соскребая с себя ощущение самолета, усталости и тот голос в голове: *«Опередила график, ведьма. Я тобой доволен»*.

Насухо вытеревшись жестким от количества стирок полотенцем и накинув черный шелковый халат, девушка приступила к главному – превращению чужого угла в свою крепость.

Из чемодана, порывшись в груде одежды, Майя достала тяжелую дорожную косметичку из черной кожи. В стандартном женском наборе среди кремов, дезодоранта, косметики и щетки для волос таился холщовый мешочек с маслами – ее главными профессиональными инструментами.

[2] Аромат уда – это уникальный запах, в котором сочетаются древесные, смолистые, часто слегка дымные оттенки, а также нотки специй. *(Здесь и далее прим. авт.)*

Девушка расставила флаконы на столе в привычном порядке, и каждый глуховатый стук стекла о древесину отзывался в памяти другим звуком – резким женским голосом, который преследовал ее последние месяцы в Москве.

– Родители пропавшего третий день убиты горем, а ты выдаешь им, будто их сын и не пропал вовсе, а сам их шантажирует? Ты в своем уме, Вединская? Мне тебя в подсобке закрыть, что ли, чтобы ты отдел не позорила?

Лариса Петровна Леднева. Заместитель руководителя Мещанского межрайонного следственного отдела. Женщина с лицом бухгалтера и душой тюремного надзирателя. Ее кабинет в Орлово-Давыдовском переулке Майя вспоминала с приступом тошноты.

Девушка с силой поставила флакон с ладаном. «Для концентрации и защиты от посторонних голосов». Ирония была горькой, как полынь.

– Так и есть, – ровно произнесла она тогда, чувствуя, как по рукам ползут мурашки от вынужденного спокойствия. – Я не знаю, где он прячется, но с этим связан его друг Стас, блондин с карими глазами. Я проверила его друзей в социальных сетях и…

– У меня нет времени на твои бредни, Вединская! У нас свидетели похищения, у нас записи с камер, у нас письмо родителям о выкупе! Выйди вон и не попадайся мне на глаза до завтра!

– Сука, – прошептала Майя себе под нос, разворачиваясь к выходу.

– Что ты сказала?

– Так точно, – бросила девушка через плечо, хлопнув дверью.

Майя взяла флакон с розмарином. «Для обострения внутреннего зрения и памяти». Ее пальцы сжались так, что костяшки побелели.

Да, Майя тогда провела свое расследование. Тайком. Нырнула еще несколько раз в энергетический след мерзавца, Дмитрия Ковалева, и почувствовала самодовольство и химическую эйфорию. Она вышла на его друга, на подозрительных знакомых. И нашла его. В шикарном пустом лофте, принадлежавшем другу семьи, где «похищенный» золотой мальчик наслаждался жизнью, планируя, как потратит выкуп.

Под предлогом «приказа начальства» Майя отправила на место двух сотрудников СК. Через пару часов Дмитрий Ковалев, находясь в состоянии крайней степени опьянения, воссоединился с родителями в отделе.

Вединская подожгла скрутку шалфея и методично, медленно прошлась с ней по комнате. Острый, терпкий дым заполнял пространство, вытесняя запах чужого быта и воспоминания о ликующей улыбке Ледневой, которая обещала родителям конфиденциальность после скандала с сыночком-наркоманом.

А потом, когда семейство покинуло кабинет, вместо благодарности последовал новый разнос.

– Ты вообще понимаешь, что нарушила все инструкции?! Ты отправила людей, никого не спросив, без прикрытия! А если бы там был настоящий преступник? А? Ты хоть головой думать умеешь?

Конфликт был яростным, громким и бесполезным. Майя стояла, сжав кулаки, и понимала, что ее правда, ее дар, ее способности для этого мира были лишь бреднями, которые не укладывались в общий уклад и которые приходилось стыдливо скрывать. О каких инструкциях может идти речь, если через неделю начальница попробует замять новое дело с этим же наркошей? И тогда уже Майя не сможет сдержать гнев, и новый скандал станет самым обсуждаемым событием в СК.

Вечером того дня к ней в сталинку приехал он. Крестный. Павел Борисович Зимин. Человек, который был рядом с самого детства после смерти родителей.

– Майяша, успокойся, родная. Леднева – дура, это все знают. Но ты не можешь ломиться вот так, напропалую. Я заберу тебя в свое управление, но… Тебе нужно передохнуть, прийти в себя. Разберись с собой и со своим… даром. А я здесь все улажу.

Зимин, который был в кругу самых близких, тех, кто знал про ее силу, говорил мягко, по-отечески. Он предложил тихую командировку. Помощь местным с трудным делом. Убежище.

– Не забывай, что там ты будешь главная. Ты теперь следователь центрального аппарата СК, даже их начальник – твой подчиненный. В обиду себя не давай, докладывать будешь лично мне.

Вединская согласилась. С чувством вины за свою вспышку гнева. С облегчением от того, что сбегает. И с горьким осознанием, что ее снова спасают, убирают с глаз долой, как неудобную проблему.

Вынырнув из воспоминаний, Майя достала из чемодана последний предмет – книгу. Не просто книгу – мамин гримуар. Тяжелый, в потертом кожаном переплете, испещренный пометками на полях. Ее главная ценность. Нить, связывавшая ее с миром, который понимал ее с полуслова. Миром, где дар Майи был не проклятием, а наследием.

Девушка прижала гримуар к груди, словно он мог излечить все душевные раны одним прикосновением. И будто услышала, будто почувствовала… Шепот крови… Майя бережно убрала книгу в тумбу у дивана и огляделась.

Комната все еще была унылой и чужой, но теперь в ней пульсировала ее личная сила. Вединская разложила свои инструменты, установила якоря, выстроила защиту. Здесь, в этом душном приморском городе, где прошлое вонзалось в настоящее, как леска в горло, было создано ее убежище. Временное. Но ее.

Настроение сразу улучшилось. Потом она оглядела все это хозяйство свежим взглядом – глазами любого нормального человека, который мог бы зайти в эту квартиру прямо сейчас.

Пять пузырьков с маслами, черная свеча, пучок сушеного шалфея. Все это аккуратно разложено на столе рядом с распечатками фотографий с мертвыми девушками.

«Следователь СК, – представилась она себе мысленно. – Работаю с артефактами».

Нет. Нормальный человек вызвал бы санитаров.

Майя вздохнула и зажгла свечу.

Охота начиналась.

И на этот раз у нее не было права на ошибку. И не было Ларисы Петровны, которая могла бы ее остановить, когда девушка почувствует след. Теперь Майя здесь главная. И от этого становилось страшно и ужасно одиноко.

Охотник

Прибытие ведьмы в город было математической точностью уравнения, которое я решал годами. Я наблюдал за ней через призму чужих отчетов, видел, как она, будто слепая, идет по расставленным вехам. Каждое ее движение лишь подтверждало мою правоту. Ведьма и не подозревала, что является главной переменной в моей формуле.

Я сидел в кофейне, оценивая очередной расходный материал. Она была еще одним знаком, кирпичом в мосту, который я возводил для Единственной.

Ее расследование, ее нырки в прошлое – все это было деталью ритуала, который ведьма, сама того не ведая, помогала мне совершить.

Я поднялся, чтобы приблизиться к своей очередной цели, к этому инструменту. В моей душе не было никаких сомнений, лишь твердая уверенность в том, что все идет по плану, в котором ведьма – ключевая фигура.

Незнакомка уходила из кофейни.

Скоро.

Скоро все пазлы встанут на место. *И твое прозрение, ведьма, станет последним мазком на моем полотне.*

Глава 4
Теплый прием

Думаете магию запретили? Нет. Ее… отредактировали. Учебники переписали, термины стерли, а реальные практики утопили в море фольклора и развлечений. Серый Индекс скрыл знание и очистил сеть, а диагноз «сенсорная диссоциация» заставил молчать тех, кто чувствовал правду. Орден же, что должен был хранить знание, сам накладывал рунные швы на источники силы. Они думали, что контролируют ситуацию. Они не поняли, что готовят почву для того, кто захочет не контролировать, а владеть всем.
Заметки Г. С. Колосова, форум «Северный ветер»

Майя

Закончив ритуалы, девушка подошла к большому зеркалу в углу гостиной.

Ну что, Майка, дыши, милая, ты справишься.

Она натянула светло-голубые облегающие джинсы, которые выигрышно подчеркнули длинные ноги и изгиб талии, заправила в них белую футболку и окинула себя критическим взглядом. Быть женщиной в мужском коллективе – это постоянно оценивать свой внешний вид: не слишком ли открыто, не слишком ли вызывающе, не слишком ли сексуально. Майя выгрызала свое положение в отделе годами. Никакого флирта. Только упорство и труд. *Ладно, и немного магии.*

Удовлетворенно кивнув своему отражению, достала фен, чтобы высушить копну рыжих волос – медное полотно с вкраплениями бронзы.

Горячий воздух взметал огненные пряди, пока она смотрела в глаза своему отражению. Глаза – ее второе оружие после магии. Дикий лес и мед. Разные радужки, редкий дефект, за который она держалась, как за последнее напоминание о том, кем она была на самом деле.

Через пятнадцать минут, поглядывая на часы у входа, девушка завязала недосушенные волосы в высокий хвост, поднесла к губам лунницу[3] – оберег прямиком из счастливых времен, и еще раз посмотрела в глаза своему отражению.

Ну, погнали.

Артем

Боже, ну и жара.

Раздумья прервал звук открывающейся двери. В ту же минуту офис затопило ароматом леса. Артем жадно втянул носом воздух, разбирая его на ноты. В челюсти загудело. Зверь внутри поднял голову не сразу. Сначала – язык к небу, как будто проверял воздух на вкус. Потом – короткий вдох через нос, осторожный, как шаг на незнакомой тропе. Это раздражало: в кабинете должно пахнуть бумагой и пылью, а не лесом после дождя, пряными травами и кострами.

Артем медленно провел большим пальцем по краю стола – привычка заземляться, когда кто-то внутри встает на четыре лапы.

Тебе что не спится, собака страшная?

Саня неуклюже ввалился в комнату и отрапортовал, быстрее, чем следовало:

– Старший следователь СК из Москвы – Майя Андреевна.

[3] Лунница – бронзовое, серебряное, реже золотое украшение в виде полумесяца.

Следом спокойно и уверено материализовалась «старший следователь СК из Москвы». Хотя он бы ни за что так ее не назвал. Рыжая нимфа прямиком из сказок; русалка, только вот из озера вышла; кто угодно, но никак не «старший следователь СК…». Фотография в деле не передала и сотой части красоты этой женщины.

– Артем Волков, старший следователь. Добро пожаловать в наше пекло. Чай, кофе, шампанское желаете?

Он привстал и сделал приглашающий к рукопожатию жест, стараясь выглядеть добродушно, но женщина, удостоив Волкова быстрым взглядом и кивком, на корню зарубила попытку тактильного контакта. Его ладонь зависла в воздухе лишь на секунду – ровно настолько, чтобы это стало заметно только ему. Артем убрал руку так спокойно, будто так и было задумано, и вместо рукопожатия поправил на столе папку – выровнял угол по краю.

Рыжая начала говорить, окинув взглядом офис, прежде чем наконец посмотреть ему в глаза. Прямо и даже с вызовом.

– Приятно познакомиться. Но я здесь не за кофе и тем более не за шампанским. Хотелось бы сразу приступить к работе. Мне нужны адреса жертв и в идеале водитель.

Какая деловая. Водителя ей подавай.

– Я могу! – Коваль поднял руку, как на уроке.

Девушка обернулась. Саня смотрел на нее с выражением человека, который только что сделал ставку на скачках и уже немного сожалеет.

– Я хорошо вожу, – сказал он тише. – В целом. Были отдельные случаи, но они не показательны.

– Сколько? – Рыжая с трудом сдерживала улыбку.

– Что – сколько?

– Случаев.

Начинается.

– Два. Но один из них – не моя вина, там была лошадь.

– Лошадь. – Следовательница уже веселилась открыто, переводя на Волкова недоуменный взгляд. Тот лишь пожал плечами, широко улыбаясь.

– Лошадь, да. На трассе М–4. Никто не ожидал.

Рыжая следовательница продолжала смотреть на Артема, вопросительно приподняв бровь. *Вот это глаза.* В горле пересохло.

– Ну вот и порешали. Александр отвезет вас в те места, где были найдены трупы, а я пока утрясу последние бумажные дела в связи с вашим переводом. В курс дела введу вас завтра. Никаких оперативных действий без моего ведома прошу не совершать. Никакого общения со свидетелями…

Обе медные брови поползли вверх. Улыбка исчезла.

– В каком смысле не совершать? Я здесь именно для того, чтобы общаться со свидетелями, чтобы…

Артем встал в полный рост. Став на полторы головы выше собеседницы, он уперся руками в стол.

– Дорогая Майя… Как вас там по батюшке? Андреевна. Я вас не знаю. Вы в городе человек новый. Распугаете свидетелей, а мне за вами разгребать. Я же понимаю, что вас сюда не за подвиги перед Отчизной отправили, а в наказание. Может, вы и мое прямое начальство, но у нас тут свои порядки. Я НЕ в вашем подчинении. – В конце Волков улыбнулся, как бы поставив точку в споре и при этом приглашая к примирению.

Через смуглую кожу московской следачки проступил румянец, будто пленка проявилась в растворе… Было заметно, что она ОЧЕНЬ злится. Но, к удивлению Артема, Рыжая сдержалась. Улыбнулась уголком рта с таким видом, будто узнала какой-то секрет про него. Неприятное чувство.

– Вы не дали мне закончить, Волков, – холодно отрезала женщина. – Я не собираюсь «пугать» ваших свидетелей. Я собираюсь задать им конкретные вопросы, которые вы, судя по протоколам, не задали.

Шепни ей на ушко, Волков. Скажи: «Я тебя съем». Будет честно.

Рыжая достала из папки распечатку допроса соседа первой жертвы.

– Вот, к примеру. На вопрос «Замечали ли вы подозрительных мужчин?» ваш человек получил ответ «Нет». А я бы спросила: «Кого из новых знакомых Ольги вы видели? Может быть, кто-то помогал донести сумки? Ремонтировал что-то? Дарил цветы?» Преступник выбирает женщин, которые впускают его в дом. Значит, он создает для этого повод. Или у него есть убедительная легенда.

Ладно, это действительно логично.

– Почему вы уверены, что преступник маячил около них до убийств?

– Чтобы втереться в доверие такого уровня и попасть к жертве домой, обычно нужна прелюдия. Наши женщины не похожи на легкодоступных. Вполне успешные, разных социальных статусов, с разными профессиями, увлечениями, определенно не лишены мужского внимания. Ирина – так вообще королева. Но соседи, судя по протоколу, утверждают, что гости к нашим жертвам заглядывали редко. Девушки были расслаблены, значит домой они привели человека, с которым успели сблизиться. Я склоняюсь к версии романтического знакомства с ухаживаниями. Убийца умеет производить впечатление. Харизматичен… Уверен в себе.

– Согласен. Но всех бывших ухажеров мы все равно допросили. Ведь кто-то из них мог сорваться на любимой, войти во вкус и продолжить убивать.

Рыжая замерла. Она смотрела куда-то в потолок и думала, прикусив губу.

Все-таки умные женщины чертовски привлекательны. Особенно если так потрясающе пахнут.

– Мне так не кажется, но пока об этом говорить рано. Думаю, к завтрашнему дню я смогу дать вам что-то более конкретное, майор.

– Хорошо, Майя Андреевна. Но любые движения по делу вы согласовываете со мной. Без самодеятельности.

– Я вас поняла, Волков. Свои порядки. – *Она что, хихикнула?* – Докладывать о заключениях, как я полагаю, тоже лично вам? – Рыжая сделала такое ангельское лицо, что он напрягся.

– Разумеется. Все свои наработки представите на планерке.

Артем старался не дышать, потому что ее запах тут же возвращал гудение в районе клыков. Он вернулся на место и принялся нарочито внимательно перебирать бумаги на своем столе, показывая, что разговор окончен.

– Майя Андреевна, – Коваль уже открыл дверь и чуть ли не с поклоном пригласил Рыжую к выходу.

– Начнем с квартиры последней – Ирины, – скомандовала *специалист из Москвы* и двинулась в сторону двери. Легко, уверенно и как будто зная, что Артем провожает взглядом ее спину и талию в узких джинсах.

Только этого мне, черт возьми, не хватало.

Глава 5
Незримый знак

Проведите эксперимент. Попробуйте найти в сети что-то настоящее о рунах. Не их значения – все эти «Феху – богатство» знают даже дети. А о механике. О том, как они режут реальность. Что вы найдете? Форумы для любителей Скандинавии, блоги гадалок и разоблачителей.

Это работа Серого Индекса. Алгоритмы не блокируют запросы. Они их… перенаправляют. В болото поп-культуры и коммерции. Они подменили лексикон. Настоящие термины тонут в море мемов и маркетинга. Язык умер первым. Без языка нет мысли. Без мысли – нет силы.

Они оцифровали все библиотеки и «случайно» потеряли самые важные страницы. Цифровой костер, на котором сгорела память. Серый Индекс – больше чем цензура. Это кастрация истории.
Заметка № 2: «Цифровая гигиена и Серый Индекс»
Дата: [Прим. 02.11.2017]

Майя

Город N изнывал от жары. Воздух над асфальтом колыхался, раскаленный и плотный, словно желе. Кондиционер в машине Коваля с трудом справлялся, выдувая чуть прохладный воздух. Саня, рубашка на котором давно потемнела от пота, нервно провел рукой по лбу.

Майя смотрела куда-то за окно старого «Опеля», погрузившись в мысли. Кабинет, куда ее сегодня привел молодой взволнованный следак, был большим, но тесным от бумаг, папок и старой техники.

Из интересного во всем унылом здании управления следственного комитета был только Артем Волков. Он был еще крупнее, чем она представляла. В темной рубашке, натянутой на мощную грудную клетку, с трехдневной щетиной и черными как смоль волосами, падающими на лоб. Он не просто сидел за столом. Он заполнял собой все пространство, как плотная туча, заслонившая солнце. Широкие темные брови были резко очерчены, придавая лицу суровое, почти скульптурное выражение. Когда Волков единственный раз улыбнулся, она заметила ровный ряд крупных, идеально белых зубов, ослепительно ярких на фоне смуглой кожи и темной щетины. Эта деталь почему-то заставила сердце Вединской сделать непривычно громкий лишний удар.

Когда он отчитывал ее как девчонку, стараясь с первых минут показать, кто в доме хозяин, она коснулась его эха. Это была непробиваемая стена. Но за серыми глазами, как за глухим фасадом, Майя смогла разглядеть то, что не видит обычный человек. Горячая, мужская, горькая боль, замешанная на гневе и виски. И под этим – что-то древнее, дикое, спящее, но чуткое. Удивительно, что и он почувствовал ее вмешательство туда, куда дверь надежно закрыта, и это ее развеселило. *Никто не любит, когда его секреты узнают другие.*

Ну что ж, Волков, подумала девушка, чувствуя, как в груди закипает знакомое упрямство. *Поглядим, кто кого здесь сломает.*

– Их уже три. – Голос молодого следака выдернул Майю из мыслей.

– Что вы сказали, Александр?

– Три жертвы, Майя Андреевна, – начал он, с трудом сосредоточившись на дороге. – Все женщины. Все в своих квартирах. Ни следов взлома, ни криков. Как призрак… – Парень умолк, подбирая слова. – Ну это вы все и так знаете, мы направляли отчеты…

– Расскажите мне о них больше, Саша, – попросила Майя, чувствуя, как хлопковая футболка прилипает к спине.

– Первая – Ольга Семенова, менеджер. Вторая – Анна Белова, бухгалтер. Третья – Ирина Коновалова, преподаватель музыки. – Саня вздохнул, свернув во двор панельной пятиэтажки. – Их ничего не связывает, это факт, – закончил он.

– Это не факт, это текущая версия, – поправила Майя. – Факт в том, что мы пока не нашли связь.

Саня кивнул и неожиданно сказал:

– Тогда надо выяснить не кто они, а в чем они совпадают.

Майя повернулась к нему не сразу – сначала дослушала, как хрустит асфальт под колесами, как мотор на повороте на секунду меняет тон. А потом посмотрела: Саня держал руль чуть крепче, но говорил свободно, лишь слегка подняв брови, словно сам удивлялся своим словам.

– Продолжайте, – сказала она мягче, чем собиралась: такие вспышки надо ловить аккуратно, пока человек еще на кураже.

Саня оживился, поймав волну.

– Ну, общие точки: маршруты, привычные места, одинаковые сервисы. Доставка воды, клининг, спортзал… Психи часто выбирают вход через бытовуху. Через «я вам помогу».

– Хорошо, – коротко похвалила Майя. – Он, конечно, точно не курьер и не тренер по йоге, но вы мыслите в правильном направлении. Возможно, у жертв действительно были общие интересы.

Саня улыбнулся так, словно взял золото на Олимпиаде.

– Только Артему Сергеевичу не говорите, а то он решит, что я начал думать.

* * *

Квартира Ирины Коноваловой встретила представителей СК спертой духотой. Окна были закрыты, в воздухе стоял неподвижный запах смерти, который Майя ощущала ярче, чем обычные люди.

– Все уже сто раз проверили, – тихо прокомментировал Саня, останавливаясь в дверях и вытирая со лба пот. Он не переступал порог полностью: носки ботинок находились внутри, пятки – еще снаружи. Майя отметила это автоматически: его тело голосовало «против».

Девушка не ответила. Вытащила из сумки черные латексные перчатки, натянула их без спешки. Латекс упруго хлопнул по запястью, и этот звук раздался в одиноком пространстве громче, чем должен был.

Следовательница медленно прошлась по гостиной, едва касаясь пальцами поверхностей. Она чувствовала отголоски. В воздухе держался всплеск – будто кто-то когда-то вскрикнул и крик застрял между стенами. Убийца не оставил физических следов. Но он оставил другой отпечаток. Эмоциональный. И он был удивительно… чистым. Она не чувствовала злобу или ярость. Только холодная, методичная уверенность, острая, как лезвие.

Вединская зашла на кухню. Комната была маленькой, залитой слепящим солнечным светом, струившимся из окна. Аккуратный светлый гарнитур, чисто и уютно. В шкафах множество наборов посуды. Ирина любила готовить, любила, чтобы было красиво. В духовке красовались вставленные друг в друга формы для запекания. Майя почувствовала ароматы домашней еды, которые когда-то наполняли пространство этого дома.

На столе и на полу рассыпаны осколки бокалов – там, где была слабая попытка борьбы. Сами бокалы и бутылку, видимо, забрали на экспертизу. Во рту стало горько.

– Саша, вы не оставите меня на пару минут? – Майя сделала глубокий вдох.

– Да, конечно. – Он вышел. Потом сразу вернулся. – Извините. Мне выйти в коридор или…

– Коридор, Саша.

– Понял. Ухожу.

Ладонь легла на деревянную столешницу – теплую, домашнюю, неуместно живую. Майя закрыла глаза. Ее не рвануло в хаос – она вошла плавно, будто ступила в марево над раскаленной дорогой.

Нырок.

Тишина в квартире стала абсолютной. Девушка ощутила легкое головокружение Ирины, ее последние эмоции – недоумение и страх. Потом сильные руки. В них не было грубости. Только точность. И снова холодная концентрация со стороны убийцы.

И тогда она увидела это. Взгляд скользнул вниз, под окно, где длинная штора касалась пола. За ней, у стены, у плинтуса, был знак, выцарапанный чем-то острым, вероятно, ножом…

Майю выбросило из видения с такой силой, будто ее за шиворот выдернули из ледяной воды. Сердце колотилось, в ушах стоял звон. Почти не дыша, Вединская опустилась на корточки, пальцы сами нашли край тяжелой льняной шторы.

И девушка увидела.

На первый взгляд, находка выглядела как царапина. Или хаотичный скол штукатурки. Но это был знак, он состоял из нескольких линий, простых и геометрически безупречных. Для обычного глаза – ничто. Пыль, дефект, игра света и тени. Но для ее зрения, того, что было за глазами, *руна* пылала, словно кто-то выжег ее на самой ткани реальности каленым железом. Майя видела не просто линии – она видела намерение. Автограф, оставленный на грани между мирами.

– Александр, – тихо позвала Вединская, и ее голос прозвучал хрипло. – Идите сюда.

Когда Саня подошел, девушка вновь отодвинула штору, и указала на едва заметные царапины в штукатурке.

– Думаете, это… Ох… Может, оно тут давно? – Саня потер лоб, во взгляде светилось недоверие.

– Сфотографируйте это, – игнорируя его сомнения, заявила Майя. – Крупным планом. И вызывайте экспертов.

– Хорошо. Так точно. Сейчас позвоню. Артему Сергеевичу докладываем?

– Пока нет. Я должна быть уверена. Позже.

– Но… Вдруг это просто царапины? – растерянно сказал Саня.

– Нет, – тихо, но очень четко возразила Майя. – Это его подпись. Он их метит.

Сказать, почему она была так в этом уверена, девушка не могла. Следовательница резко встала, и комната поплыла. По губе потекла теплая струйка. Провела пальцами – кровь. Вединская сжала переносицу, отворачиваясь к раковине.

– Майя Андреевна?!

– Ничего, – буркнула она, чувствуя, как подкашиваются ноги. – Просто… Перепад давления. Давайте сделаем паузу.

Саня бросился за водой. Пока она сидела на корточках, пытаясь прийти в себя, он организовал работу: вызвал группу, отдал распоряжения о фотофиксации и охране помещения.

Следующий час прошел в методичной, рутинной работе. Майя, отойдя от нырка, координировала действия коллег, диктуя Сане заметки для протокола. Она опросила соседку за стеной – пожилую женщину, которую не допрашивали в день убийства: та была на даче. Женщина ничего не слышала, но подтвердила, что Ирина гостей приводила нечасто. Соседкой была отзывчивой и «интеллигентной». Саня, к удивлению Майи, оказался собран и эффективен, четко фиксируя детали и задавая уточняющие вопросы.

Майя, медленно потягивая воду, наблюдала за криминалистом, который колдовал у стены с кисточкой и скотчем. *Два нырка подряд – непозволительная роскошь. Или самоубийство.* Она вспомнила горящую родинку на ладони. Дар всегда брал свою цену, но сейчас он требовал ее с удвоенной жестокостью. Девушка не просто считывала эхо – она влезала в шкуру умирающей, и это отзывалось физической болью.

Когда носовое кровотечение окончательно прекратилось, а голова перестала кружиться, Вединская поднялась. Прошлась по квартире, рассмотрела вещи в спальне. Что-то еще вибрировало в этом доме. Остановившись у кровати, девушка аккуратно присела на край. И *почувствовала.* Она не увидела образов, не услышала звуков или запахов. Она почувствовала сопричастность, ощущение тоски по дому, эмоции от встречи со старой подругой, с которой не виделись много лет.

Наша. Ирина была из наших. В ней была сила.

Глава 6
Глоток спокойствия

Майя

Они вышли из квартиры, оставив за спиной гул голосов и вспышки камер. Охота продолжалась, но теперь Майя ощущала каждой клеткой: ее главный враг не только маньяк, но и пределы ее собственного тела.

Обратная дорога прошла в гнетущем молчании. Ведьма чувствовала, как чужая смерть и чужая сила въедаются в нее, словно токсичная пыль. В горле стоял ком. Саня пару раз открывал рот, будто собирался спросить: «Как вы?», – но каждый раз передумывал и возвращался к дороге. Майя была ему благодарна за это больше, чем могла бы сказать вслух: любое «как» требовало ответа, а ответы тянули за собой лишнее.

– Саш, будь другом, – ее голос звучал хрипло, от усталости девушка перешла на ты. – Завези меня в продуктовый, в тот, что перед домом. И завтра можешь приезжать к восьми утра. Метнемся ко второй жертве и поедем к Волкову.

В прохладе магазина Вединская на мгновение закрыла глаза, отсекая давящие образы. Взяв бутылку винью-верде незнакомой марки, она уже представила себе знакомую кислинку на языке, которая поможет ей смыть привкус смерти. В корзину отправился пармезан местного производства и свежий багет.

Уже можно жить.

Дома Майя первым делом распахнула дверь на балкон, впуская вечерний, чуть менее знойный воздух. Открутила крышку, налила напиток в бокал и бросила в него пару кусочков льда. Лед тихо звякнул о стекло, и она сделала долгий освежающий глоток. Зеленое яблоко, груша, аромат ягод… Девушка разбирала вкус на составляющие, как парфюм, возвращая мозг с языка эмоций на язык ощущений. Грустный якорь, за который она держалась.

Телефон на столе мигал десятком сообщений от Эльги. Тетя по маминой линии, которая вырастила ее после смерти родителей, с боем выцарапав ребенка у тугой и неповоротливой машины опеки. Именно Элечка научила Майю разбираться в травах и маслах, рассказывала истории о «старом мире», и вечно твердила о даре племянницы как о чем-то совершенно особенном.

Майя вздохнула, набрала номер и сжала трубку, в ожидании родного голоса.

– Майка! Детка, я умираю от волнения. Как твой первый день в отеле «У маньяка»?

– Ну, я… стараюсь не разочаровывать постояльцев.

– А новые коллеги? Как приняли мою королеву?

– Как и ожидалось… Местный начальник… интересный тип.

– «Интересный» в смысле «ходит под себя», или «интересный» в смысле «смотрит на тебя так, будто ты не следователь, а последний эклер в кондитерской»? Уточни, а то я как старый словарь Даля – люблю точность определений.

– Эля-я-я! – Смех вышел коротким, неровным, но сразу ослабил внутри ту тугую пружину, которая весь день держала девушку в напряжении. – Скорее, второе. Но с нотками каннибализма.

– А, классика жанра, красавица и чудовище. Только не вздумай его приручать, Майка. Но если серьезно, детка, опасный мужчина – это не романтика, он не умеет слышать «нет».

– Элечка, принято. Никаких чудовищ. И, к слову, мне нужна помощь. Кажется, у тебя была подруга с Якиманки, как ее там, не помню. Специалист по рунам, можешь дать контакты?

– Изабелла. Изи. Она не просто специалист по рунам, детка, она единственный человек в радиусе тысяч километров, который отличит руну от узора на бабушкиной скатерти. Тебе это для дела?

– Элечка, не могу сказать… Мне просто нужно… разобраться кое с чем, – сделав долгий глоток вина, Майя напряженно ждала.

– Хорошо, пришлю номер. Обнимаю тебя, детка.

– И я тебя. – Девушка с улыбкой положила трубку.

Следовательница вытащила на балкон диванные подушки, бросила на пол, уселась на них, подтянув к себе колени, и разложила вокруг на полу из серой плитки материалы дела. Она не ныряла под действием алкоголя, но аналитический ум от вина странным образом активировался, блокируя в Майе всю магию. Стоило девушке открыть на смартфоне фото руны, чтобы еще раз изучить в спокойной обстановке, как телефон снова завибрировал с фотографией яркой брюнетки на экране.

Кэт.

Майя взяла трубку, в голосе звучала усталая улыбка:

– Привет, милая.

– Мурка, ты не поверишь! Я в пабе, который стилизован под ирландский, но владелец – грузин. Полный сюр! – Подруга сделала паузу, набрала в легкие побольше воздуха и продолжила: – Но хватит обо мне. ТЫ! Быстро выкладывай все! Как там? Море видно? Соседи адекватные? И главное – начальник? Он такой же здоровенный, как на фотках? Есть на что посмотреть?

Майя невольно улыбнулась.

– Ну, он… монументальный. Немного устрашающий.

– О-о-ой! – протянула Катя. – Мы такое любим. Мужик-загадка? Мне нравится. Я сейчас убегаю к Вадику, но…

– Кто это?

– Пока нечего рассказать, но надеюсь завтра отчитаться о его постельных способностях, – захихикала подруга.

– Кэ-э-э-эт, – с тяжелым вздохом Майя потянулась к сумке за пачкой тонких сигарет. – Как тебя на них хватает?

– Это ты приняла целибат, а я живу полную счастливую жизнь с массой приключений. И, кстати, тебе не помешало бы тоже… Ну, знаешь, как-то уже перевернуть страницу и все такое…

– Я не собираюсь это сейчас, – Майя прикурила и затянулась сигаретой, – обсуждать.

– Да-да, конечно. Как всегда. Непоколебимая Майя. Кстати, о птичках. Не хочу быть той, что приносит дурные вести, но… – Подруга замялась.

– Что, Кэт?

– В общем… А, к черту, нужно как с пластырем, да?

– Кэ-э-э-эт.

– Влад женится. Сегодня узнала. Он выложил фото с помолвки в соцсети. Ты его заблокировала, но я на всякий случай держу ухо востро, ведь…

Балкон затопили пустота и горечь. Майя не ждала их воссоединения. Не хотела. Три года она пыталась оправиться от ухода человека, который покинул ее в самый непростой период жизни. Но эта новость все равно отозвалась болью в душе.

– Понятно. Ладно, мне нужно работать, будем на связи?

– Не воспринимай близко к сердцу, Мурочка. Я рядом.

Дела давно минувших дней. До грозы
Майя

Они с Владом жили в ее уютной трешке на Сухаревской. Они начали встречаться, когда Майя училась на втором курсе академии, все еще дерганая после нападения, тихая и «странная». Так ее называли за спиной одногруппники за привычку проваливаться в воспоминания и пугаться резких звуков. Наиболее остро Майя реагировала на нарушение своих физических границ, особенно противоположным полом. А уж если она чувствовала рядом одеколон, который смутно напоминал запах одного их нападавших, могла среагировать совершенно неуместно.

Тем не менее все психологические освидетельствования девушка прошла успешно, диагностированный ПТСР[4] к третьему курсу ушел, и она оставила в своей жизни терапию с психологом курсами по пять сеансов раз в полгода. Она говорила терапевту правильные слова и честно делала упражнения. Но внутри всегда оставалась маленькая комната, куда она никого не пускала.

С Владом они встретились на тусовке, куда ее вытащила Кэт, в шумном баре в центре Москвы, где было буквально невозможно разговаривать из-за сменявших друг друга песен «Зверей», которые пела хором вся эта безумная толпа. Майя заметила его сразу. Он был старше, держался спокойнее, с ним рядом «хотелось быть». В тот вечер они сбежали с вечеринки и бродили по пустеющим набережным до рассвета. Он был ее спасителем, ее тихой гаванью. Он был ее первым во всех смыслах. Опытный, спокойный, с прочной позицией в IT-компании, заботливый и в целом замечательный. Эльга в нем души не чаяла, казалось, еще больше, чем Майя, и даже Павел Борисович после «смотрин» за семейным ужином пожал ему на прощание руку и сказал строго:

– Нравишься ты мне, есть в тебе стержень. Но Майяшу мою береги. А то найду и ноги оторву.

Влад держался достойно.

Он видел в ней хрупкую, израненную девочку, которую нужно было оберегать и возвращать к жизни. И она позволяла. Потому что после той ночи слабость казалась безопаснее, чем сила.

Влад не знал о магии. Ее «особенности» он списывал на травму, Майя плохо спала, иногда замирала с пустым взглядом. Парень терпеливо гладил ее по спине, когда ее душили ночные кошмары, и твердил: «Я здесь. Ты в безопасности».

Все шло нормально, пока не начались неконтролируемые всплески силы. Через четыре года спокойствия в размеренную жизнь Майи начали врываться совершенно неуместные проявления, которые она долго воспринимала как случайности.

Тот роковой вечер был кульминацией шести месяцев ада. Второе высшее – психологическое, ради которого она ночами корпела над книгами, чтобы понять саму себя. Первые шаги в следственном комитете, где каждый день случались столкновения с чужим горем и жестокостью. И постоянный, изматывающий гул. Ее дар, долго дремавший, начал просыпаться и делал это без спроса, без предупреждения.

За неделю до того вечера у нее сгорел ноутбук с полугодовой работой по психотипам преступников. Искры, запах гари и слезы. За три дня – с треском задымился фен, когда она, расстроенная провалом на экзамене, со слезами на глазах сушила непослушные рыжие локоны.

В тот самый день отказал новый смартфон, месяц назад подаренный Владом, что задело особенно: это был его подарок, кусочек их «нормальной жизни». И этот кусочек тоже сгорел у нее в руках.

Она возвращалась домой, чувствуя себя бомбой замедленного действия. Виски сдавливало невидимыми тисками, кожа горела, а в ушах стоял нарастающий скрежет, словно внутри нее звонил колокол по ее прежней, спокойной жизни.

---

[4] ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) – психическое расстройство, которое развивается в результате пережитого травматического события.

Влад встретил девушку на пороге. От него пахло дорогим одеколоном и жареной картошкой – аромат дома.

– Родная, с тобой все в порядке? – Его голос был ровным, но в нем проскальзывала усталость. Он был измотан ее состоянием. Она это слышала.

– Нормально, – буркнула Майя, проходя в ванную. Ее отражение в зеркале было бледным, а глаза горели лихорадочным блеском.

– Может, тебе отдохнуть? Взять отпуск? – Мужчина не отходил от двери. – Ты вся на нервах. Мы почти не видимся. Ты… отгораживаешься.

Майя вышла, вытирая лицо полотенцем. Воздух в квартире сгустился, стал вязким.

– Не могу я взять отпуск, Влад! У меня работа, экзамены! Ты же понимаешь!

– Я понимаю, что ты себя загнала! – В его голосе послышались резкие нотки. – Мы вместе, но я тащу на себе все: квартиру, быт, твое вечное «нормально»! Я вообще-то тоже работаю! А ты… Да мы с тобой даже не видимся! Тебя все время нет.

Он шагнул к девушке, пытаясь обнять ее за плечи, как делал всегда, когда она замыкалась. Но в этот раз в его прикосновении была не нежность, а попытка укротить дикого зверька.

– Даже когда ты здесь – тебя нет… Я скучаю… – Он сказал это почти с отчаянием.

Его руки, большие и теплые, всегда были ее убежищем. Но сейчас они превратились в клетку. В висках у Майи застучало, сердце колотилось где-то в горле. Глубоко внутри, в самой маленькой и испуганной части себя, она металась в поисках выхода.

«Не трогай. Отойди. Сбегу».

Девушка резко, почти рефлекторно, вырвалась. Ее локоть задел полку, мелкие безделушки звякнули.

– Ты можешь просто… Давай не сегодня? У меня был отвратительный день.

– А когда будет «сегодня»? – Влад фыркнул. – У тебя всегда «не сегодня». Мы не видимся, мы не говорим… Мы, мать твою, не спим вместе, ты спишь вот с этим! – Он резко повернулся, схватил со стола ее учебник по криминалистике и швырнул его на пол. Книга ударилась об паркет с глухим стуком.

– Влад… Я вымотана. Ты поддержал мое решение поступить в магистратуру, никто не говорил, что будет легко… – Майя подняла книгу, и ее затопило чувство вины. Он, конечно, прав. И ему нужен кто-то, кто будет отдавать ему энергию, а не забирать. Кто-то, кто будет ждать его со встреч в красивом белье и ужином из трех блюд… А она к этому не готова.

Наваждение спало, и Майя вдруг явственно почувствовала, что живет не своей жизнью…

– Или тебе уже ничего, кроме твоей работы, не нужно?! Может, тебе… Может, и я не нужен?

И Майя, обессиленная, сорвалась. Ее голос стал острым, как лезвие.

– Что ты от меня хочешь? Чтобы я сидела дома и готовила, как примерная женушка? Может, тебе надоело со мной возиться? Травмированная, странная, днем утопает в работе, а ночью в слезах. Не о такой девушке ты мечтал, правда?

Она увидела, как его лицо исказилось от боли и стыда. Влад шагнул вперед, его пальцы впились ей в предплечья, сжимая сильнее, чем когда-либо. Больно.

– Ты сама не понимаешь, что несешь! – Он тряхнул Майю, и ее голова резко откинулась назад.

В его глазах она увидела страх. Страх перед ней, перед ее правдой, перед тем, что его идеальный мир рушится.

– Я изменилась, Влад. Мы оба. Но я больше. Нам просто, видимо…

И тогда он это сделал. Резко, коротко, словно неосознанно, пытаясь остановить этот срыв, эту правду, которую он не мог вынести. Его раскрытая ладонь шлепнула ее по щеке.

Раздался приглушенный, влажный звук. Удар был не сильным. Но он перерезал что-то внутри. Последнюю нить.

На секунду воцарилась абсолютная тишина. Внутри нее и снаружи. Майя не чувствовала боли, только онемение и странную звенящую пустоту, будто мир замер в ожидании. Она видела, как его глаза округлились от ужаса – не перед ней, а перед самим собой. Влад отшатнулся, его рука повисла в воздухе.

– Май… Я… – Он задыхался.

Но было поздно.

Мир провалился, как пол под ногами. Майя инстинктивно перенесла вес на пятки, будто могла устоять. И через это падение хлынуло эхо.

Ее дар, до этого шепчущий, вырвался наружу.

Она чувствовала его. Горький медный привкус его разочарования. Вой сирены его страха, похожий на тот, что она слышала в детстве, за секунду до аварии. Черные, скользкие пятна его тайного презрения к ее «слабостям», которые теперь сменились ужасом перед ее силой. И самое страшное – ледяное, серое ощущение облегчения. Облегчения от того, что маска сорвана и ему больше не нужно притворяться спасителем.

Девушка не слышала его слов. Она видела его душу, и это было больнее этой пощечины.

– Я тебя… вижу, – прошептала Майя, и ее голос был чужим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.